

Она любила. Она страдала. Она жила...

Татьяна Петрова,
кандидат исторических наук

Среди многочисленных представителей латино-американской культуры особняком стоят два женских имени: Фрида Кало и Габриэла Мистраль.

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения одной из самых оригинальных женщин Латинской Америки – Фриды Кало и 50 лет со дня смерти Габриэлы Мистраль. Ее имя не пользуется такой бешеной популярностью, как имя Фриды, но ее жизнь и творчество вызывали и продолжают вызывать восхищение как представителей культур, так и самых широких народных масс. Сельская учительница, сотрудник Лиги Наций, чилийский консул в Мадриде и Буэнос Айресе, лауреат Нобелевской премии – это все о ней.

Фрида родилась в Мексике (1907–1954 гг.), прожила недолгую, но очень насыщенную жизнь, интерес к которой с годами только возрастает. Жена знаменитого художника-монументалиста Диего Риверы она долгое время оставалась как бы в тени своего прославленного мужа. Интерес широкой публики (как в Мексике, так и в нашей стране) к ее личности во многом был обусловлен ее контактами с Л.Троцким, который провел в этой стране последние годы.

Фрида искренне восхищалась не только “трибуном русской революции”, но и самой идеей построения справедливого мира. В ее “голубом доме” можно увидеть не только фотографии Ленина и Мао Цзедуна, но и книги основоположников марксизма, зачитанные до дыр. Последняя работа на подрамнике – незавершенный портрет Сталина.

Как всякая яркая личность Фрида Кало уже при жизни вызывала неоднозначную реакцию общества: для кого-то она была наряду с Диего Риверо активистом компартии Мексики, принимавшим участие в уличных демонстрациях; кто-то запомнил ее благодаря умению оригинально одеваться и носить индейскую одежду; кто-то восхищался стойкостью, с которой она переносила жизненные невзгоды, которые обрушивались на нее с детских лет; для кого-то она стала оригинальным представителем мексиканской богемы и одной из первых мексиканских феминисток, кто-то до сих пор считает ее символом патриотизма и антиамериканизма.

А она, прежде всего, была женщиной! И как всякая женщина мечтала о счастье, простом человеческом счастье. Но цена за это у каждого своя – Фрида заплатила за свое право на счастье сполна. В возрасте 6 лет она перенесла полиомиелит, затем дорожная катастрофа, после которой ее жизнь превратилась в сплошной операционный и послеоперационный период. Только в 1950 г. ей сделали 7 операций на позвоночнике, в 1952 г. ампутировали до колена правую ногу – казалось, что на этот раз все кончено, но только не для нее. В 1953 г. проходит ее первая персональная выставка, на которую автора доставили в карете “скорой помо-

щи”. Слишком трагично, чтобы быть правдой, но это не просто правда, это ее жизнь.

Где же брала она силы и время для творчества?

Казалось бы, что все силы ушли на борьбу с бесконечным недугом, но любовь к жизни и талант требовали воплощения. У кого-то это проявляется в поэзии, прозе, музыке... – Фрида выбрала кисть. То, что давало ей возможность хоть на короткое время не забыть, а хотя бы отвлечься от физических страданий, стало интересно не только ее близким, но тысячам других людей.

Сейчас ее картины висят в Лувре, Музее современного искусства в Нью-Йорке. Последняя выставка ее творчества в Европе состоялась в 2005 г. в лондонской галерее Тати, где было представлено 87 работ Фриды Кало.

В Мехико к 100-летней годовщине со дня ее рождения готовится выставка, на которой будет представлено 354 картины из мексиканских и зарубежных собраний, причем треть из них не демонстрировалась ранее.

Согласно информации директора Национального института изящных искусств Сауль Хуареса, начиная с 13 июля, по всей стране будут проходить культурные и артистические мероприятия, посвященные памяти Фриды Кало. В мемориальных музеях Фриды Кало и Диего Риверы организованы постоянно действующие экспозиции живописи, рисунка и графики. Большая выставка работ Фриды Кало пройдет во Дворце изящных искусств “Бельяс Артеc”, где когда-то состоялось прощание с Фридой Кало, на котором присутствовали не только известные деятели культуры, но и экс-президент Мексики Ласаро Карденс.

Но не только проведением торжественных мероприятий будет отмечен юбилей Фриды в Мексике. Потомки и наследники знаменитой художницы добились права на производство текилы*, которая получит название “Кало”. Внучатая племянница Фриды Мара Ромеро Пинедо Кало не раз выражала сожаление, что на имени Фриды Кало уже все заработали деньги, кроме потомков. Пятилетняя судебная тяжба с производителями текилы, не имевшими лицензии, закончилась в пользу представителей семьи. В результате на рынке появятся две разновидности текилы из 100% голубой агавы стоимостью от 50 до 90 долл. за бутылку. Такая цена не предполагает массового спроса в самой Мексике, значительная часть напитка будет экспортироваться в США.

Фрида – новая богиня

Фрида теперь в моде. И не только у себя на родине, но и в Европе, Азии, США, странах Латинской Америки. После выхода американской кинокартины с Сельмой Хайек в главной роли – популярность ее стала всемирной. Наконец, мода на Фриду достигла Москвы. После демонстрации фильма в галерее Нащокина была открыта выставка, посвященная ее жизни и твор-

честву, редкий журнал не поместил статьи о ней. Ее странное имя стало привычным, повсюду только и слышно: Фрида, Фрида, Фрида...

Так кто же она?

Кем могла бы стать маленькая девочка, выросшая в небогатой многодетной семье на окраине Мехико?

Домашней хозяйкой, тенью мужа, заботливой хлопотуньей, на которой

* *Текила* – традиционный мексиканский напиток, который для мексиканцев является таким же национальным символом, как для русских водка.

фактически держится весь дом (ведь недаром в испанском языке таких женщин поэтично называют “*ама де casa*” – “душа дома”). Такую жизнь прожила ее мать и миллионы мексиканок – ее сверстниц; альтернативы практически не было, разве что монастырь.

Альтернатива появилась только во время революции 1910–1917 гг., которая покончила с феодальными пережитками и во многом способствовала раскрепощению женщины. Фриде исполнилось 10 лет, когда победила революция, она прекрасно помнила эти волнующие дни и даже пыталась “подправить” дату своего рождения на 1910 г., чтобы считаться ровесницей новой эпохи в истории Мексики.

Благодаря революции женщины получили более широкий доступ к образованию и Фрида в числе 35 девочек смогла поступить в училище, где до этого обучались только мальчики. Стремление к независимости и самоутверждению толкало ее на экстравагантные поступки, заставляло каждый день демонстрировать свое право на равенство.

По свидетельству очевидцев, мать Фриды, забеременев вскоре после ее рождения, не смогла сама ее вскормить и отдала дочь кормилице. Эта женщина из народа, представительница коренного индейского населения, и стала по существу ее второй мамой, с молоком которой Фрида впитала тот неистребимый народный дух, который так сильно отличал ее от салонных барышень. Достаточно посмотреть на картину “Объятия и любовь мира, земля Мексики, Я, Диего и сеньор Ксолотль”, чтобы ощутить неразрывную связь, которая через эту женщину навсегда связала Фриду с Мексикой, с ее природой и космосом. Или автопортрет “Моя няня и я” (1937 г.), где ребенок с лицом взрослой Фриды впитывает в себя не молоко, но сок земли.

Отношения с родной матерью складывались непросто, что видно хотя бы из того, как сама Фрида ее называла: “мой босс”. Это многое объясняет и в ее отношениях с отцом, которого она обожала и пыталась добиться его похвалы. Как всякий мужчина, он мечтал о сыне, а тут четыре подряд девочки. Поневоле Фриде пришлось взять на себя роль “старшего брата”. Отсюда и дружба с окрестными сорванцами, и стремление подражать им во всем, начиная от игры в футбол, кончая умением носить мужской костюм.

Жить для нее – значит страдать, и она страдала! Природа как бы нарочно устраивала ей одно испытание за другим. В возрасте 7 лет Фрида перенесла полиомиелит, и одна нога ее на всю жизнь осталась более тонкой и слабой, за что недобрые дети дразнили ее “Фрида – сухая нога”. Это лишнее ранило ее и заставляло сделать все, чтобы заставить обидчиков признать ее своей. Повзрослев, она научилась так изящно маскировать этот недостаток (одевала по несколько чулок на больную ногу, носила брюки, что многие тогда воспринимали как вызов общественному мнению, а после замужества перешла на длинные юбки), что, в конце концов, этот дефект отошел на второй план.

Еще более страшным испытанием стала катастрофа. По количеству перенесенных операций (общим числом более 30, в том числе на позвоночнике) Фрида вполне могла бы занять место в книге рекордов Гиннеса. Но не участь калеки, вымещающей свое зло на окружающих, а жизнь во всей ее полноте была избрана этой хрупкой женщиной. И судьба не могла ей противостоять.

Кого мы можем поставить рядом с ней по силе духа?

Только Николая Островского, который для прежних поколений советских людей оставался образцом негни-

баемой воли, а нынешним поколениям почти не известен.

Жить для нее – значит любить, и она любила! Страстно, нежно, властно, отдавая всю себя этому чувству и требуя взамен того же. Со всей откровенностью и полнотой она сформулировала свое отношение к Диего Ривера, который стал ее мужем, в стихах:

Диего – начало,

Диего – строитель,

Диего – мое дитя,

Диего – мой любовник,

Диего – художник,

Диего – моя любовь,

Диего – “мой муж”,

Диего – мой друг,

Диего – моя мать,

Диего – мой отец,

Диего – мой сын,

Диего – это я,

Диего – Вселенная,

Многообразие внутри единства.

Единственное определение, которое ею самой взято в кавычки, это “мой муж”. Тем самым она продемонстрировала всем, что не имеет никаких “особых” прав на то, чтобы считать Диего только своим мужем. “Диего – сам по себе”, – говорила она друзьям. Он слишком любит жизнь, чтобы быть только “моим”.

И Фрида стала не только женой выдающегося художника Диего Риверы (что само по себе является тяжким бременем), она сама стала интересной художницей, получившей признание еще при жизни. Она стала членом Коммунистической партии, разделяя революционный настрой интеллигенции той эпохи, и сохранила верность своим идеалам до последних дней.

Портреты Маркса, Ленина, Сталина и Мао Цзедуна встречаются не только в ее “вселенских” композициях, они висят в ее спальне до сих пор, а неоконченный портрет Сталина так и остался на подрамнике, как бы ожи-

дая нового прикосновения кисти хозяйки.

Увлечение пролетарской идеологией и символикой, интерес к событиям в России в какой-то мере подготовили ее к встрече с Троцким, который на первых порах воспринимался супругами и их окружением как “пророк, непризнанный в своем отечестве”.

Эта мотивация была для нее достаточно серьезной, но она оказалась совершенно непонятой и нераскрытой режиссером знаменитого фильма, что не только превращает самого Троцкого в какую-то карикатурную фигуру, но и не дает внятного объяснения их отношениям с Фридой, сводя все к довольно пошлому адюльтеру. В том же духе выдержаны и некоторые комментарии к этому фильму, в частности, в журнале “Огонек”.

Жить для нее – значит творить, и она творила! Она перенесла на холст не только свои страдания, но и жажду жизни, красоту мироздания. Земля как продолжение Космоса, и Космос как продолжение Земли – такое неразрывное единство в восприятии всего живого и неживого присуще мироощущениям американских индейцев, продолжателей тысячелетних традиций майя и ацтеков.

Способность разъять жизнь на составные элементы и проанализировать каждый элемент, трансформировать его в составную часть не только оставленного им тела, но и вписать его в новую систему координат – этому, наверное, можно научиться (и примеры кубизма, абстракционизма нас в этом убеждают). Но нельзя научиться заново создавать вселенную (а именно эта способность и отличает подлинного мастера от поденщика), для этого надо зажечь огонь в собственной душе, а это не каждому под силу. В жертву этому священному огню художник приносит многое: свой талант, мастерство, свои чувства, зачастую и саму жизнь.

Фрида прошла весь этот путь одна без поводырей. Она набиралась мастерства не в классе живописи, оттачивала технику на простых сюжетах (портреты, автопортреты), добиваясь выразительности не столько за счет формы, сколько за счет психологизма, глубины. Некоторая скованность, стремление “подправить” модель (ее отец был профессиональным фотографом и Фрида с детских лет отлично знала, как может ретушь “улучшить” портрет заказчика) постепенно уходят, уступая место смелым композициям и неожиданным ассоциациям. Сколько бы ни пытались искусствоведы найти определение ее манере, классифицировать ее творчество, разбить на этапы, проследить влияние той или иной “школы”, большинство из них не идет дальше того, чтобы причислить ее к “сюрреалистам”. Но Фрида всегда сама возражала против этого.

Она стала неординарной личностью, знакомой фактически со всеми выдающимися фигурами мексиканской (и не только мексиканской) культуры. Она была знакома с Сальвадором Дали, Пабло Пикассо. Ее творчество стало неотъемлемой частью мировой культуры.

И, наконец, она стала ... богиней. Некоторое время назад группы ее поклонников (не только в Мексике, но и в Европе, и на других континентах) объединились, чтобы поклоняться ей как божеству. Сторонники этой “религии” называют себя “калоистами” и отмечают основные вехи ее жизни особыми ритуальными службами, как и подобает настоящей богине.

Пережитая катастрофа обострила чувство одиночества и непохожести на других. Не только физическая боль, приросшая к ней на всю жизнь, но и душевные страдания от состояния бессилия стали ее уделом. Вынужденная недели, месяцы и годы провести в гипсе, без движения, она занялась внутрен-

ним самосозерцанием. Ее глаза, похоже, видели то, что находится за гранью отпущенного простому смертному. Не сны, не полет фантазии, а желание избавиться от этих назойливых видений заставляло ее брать за кисть и переносить эти образы на холст.

Для того чтобы выжить, ей ежедневно требовалась новая порция любви, и она жадно искала подтверждения того, что она кому-то нужна в этом мире. Искала у мужчин, у женщин, у своих собак и обезьянок, у цветов, у красок, у самой природы. Но неизменно возвращалась к себе как к отправной точке замкнутого круга.

Именно этим, как мне кажется, объясняется ее интерес к себе как к личности. Именно поэтому она такая разная на автопортретах.

Но ей трудно было ожидать сочувствия (тем более, любви) от окружающих, тем более женщин. Слишком яркой и непохожей на всех сделала ее природа и страдания.

Среди любого окружения она смотрелась как жар-птица в курятнике. На фоне уток, кур и индюшек, озабоченных только пропитанием для своих домочадцев, вдруг появлялась невысокая, тонкая, изящная как горлинка, и яркая, как оперенье колибри – Фрида, и шуршанье шелковых юбок заглушало звук ее шагов.

Она умела носить простую одежду женщин из народа как королевское платье, ей было достаточно одной накидки, одной нитки бус, чтобы превратить повседневный наряд в нечто театральное, выделяющее ее из толпы.

Она создала вокруг себя свою собственную маленькую Вселенную, в которой как и в настоящей Вселенной было свое Солнце (Диего) и своя Луна (Фрида). Притяжение и отталкивание, боль и радость, взлеты и падения сотрясали эту вселенную и всех, кто оказался втянут в их орбиту.

Эта участь не миновала и Льва Троцкого.

Где бы она ни появилась, взгляды всех мужчин и женщин невольно были обращены к ней. Эту особенность тонко почувствовали модельеры Парижа, попытавшись создать особый стиль под названием Фрида. Но, как все искусственно созданное, он оказался, нежизнеспособным, хотя и интересным.

Фрида и Габриэла

Казалось бы, что может быть общего между этим женщинами, такими разными, такими же далекими друг от друга, как далеки на географической карте Чили и Мексика?

Может быть, только то, что они были первыми представительницами Американского континента, которые своими достижениями в творчестве, своей славой, своей жизнью проложили путь другим женщинам. Путь к равенству.

Они жили почти в одно время и умерли почти одновременно, но никогда не встречались (хотя Габриэла жила в Мексике, почему же этого не произошло?). Разница в возрасте (не такая уж большая на первый взгляд, всего 18 лет) делала их, по сути, представителями не только разных поколений, но и разных эпох, столь бурными и насыщенными были эти годы на исходе XIX и начала XX вв.

Их воспитание, нравственные ориентиры, стиль жизни, привычки – все разводило их по разные стороны.

Габриэла – образцовая католичка, традиционалист во всем, начиная от манеры мыслить до манеры носить одежду. И при этом очень тонкий, лиричный поэт.

Фрида – пламенный революционер, новатор, бросающий вызов общественному мнению как своим творчеством, так и образом жизни. И при этом яр-

Любовь к жизни – для нее не отвеченное понятие, а смысл ежедневного бытия. “Дерево жизни, стой прямо”, – называется одна из ее картин. И это о ней самой. Она заглушала боль любовью, работой, весельем. Несмотря на эту боль, вопреки этой боли как заклинание, как завещание звучат ее последние слова на последней картине: “Да здравствует жизнь!”.

кий, оригинальный, в чем-то даже жестокий художник.

Все это, казалось бы, делает их существование в искусстве взаимоисключающим...

Однако на поверку выявляется так много общего, что кажется удивительным, почему эти имена до сих пор не стояли рядом.

Судьба не баловала их, запросив большую цену за талант и признание. Габриэла прошла долгий и тернистый путь, чтобы стать из школьной учительницы первым в Латинской Америке поэтом – лауреатом Нобелевской премии.

Фрида как художник долгое время оставалась в тени своего известного мужа, и только незадолго до смерти получила подтверждение своего таланта на первой персональной выставке. Это сейчас подогреты спекуляциями на фактах ее личной жизни, снобы покупают ее картины за баснословные цены (один из ее автопортретов был продан за 5 млн. долл.), а при жизни ей с трудом приходилось сводить концы с концами.

Однако даже не перипетии судьбы роднят этих женщин, а творчество. И самым глубоким мотивом, который объединяет творчество этих великих женщин, является жажда материнства.

Пережив личную драму в юности, Габриэла так и не смогла соединить

судьбу с любимым человеком. Фрида прожила в браке с Диего почти 25 лет, однако не могла иметь детей вследствие пережитой катастрофы. Мечта о собственном ребенке стала для них навязчивой идеей.

Фрида воплотила ее кистью, Габриэла – пером.

“Каким он будет?”, – спрашивала она сама у себя и отвечала: “Я долго смотрела на лепестки розы и с радостью потрогала их: я бы хотела, чтобы его щеки были так же нежны. И я играла с кустом ежевики – я бы хотела, чтобы его волосы были такими же темными и вихрастыми. Но если он будет смуглым, цвета красной глины, которую любят гончары и если у него будут гладкие волосы, такие же простые, как вся моя жизнь, то это не имеет значения.

Я смотрю на ущелья в горах, когда они наполняются туманом, и туман кажется мне силуэтом девочки, нежной девочки; ну что ж, пусть это будет девочка.

Но главное, я хочу, чтобы мой ребенок глядел на меня с той же нежностью, с которой смотрит на меня муж, чтобы в детском голосе была та же легкая дрожь, с которой муж говорит со мной, потому что в том, кого я жду, я хочу любить того, кто целовал меня”.

И не об этом ли стихи Фриды, посвященные своему мужу, который воплощал для нее все-все, в том числе и несбывшуюся мечту о ребенке?

А Габриэла нашла для выражения этого чувства другие слова:

Если нет на коленях в подоле у женщины сына,

Чтобы в недра ее детский запах проник и тепло,

То вся жизнь повисает в руках ее, как паутина, –

Легковесная с виду, а душу гнетет тяжело.

Ей было невозможно пройти не только мимо чужих детей, но и мимо жен-

щин, ожидающих этого чуда – рождения ребенка. Отчаянье сквозит в каждом ее стихе:

У матери под гребенкой

Белой завьется зола, И

я не дождусь ребенка, Которого так ждала.

Подарим старым могилам

Грядущее, день за днем,

Застынем над прахом милым

Безумье да я – вдвоем.

Невозможно процитировать все стихи Габриэлы, в которых она воплотила свое видение будущего ребенка, свою мечту о сыне, но, пожалуй, самыми яркими являются “Поэма о сыне”, “Находка”, “Роса”, “Ночь”, “Счастливец”, “Печальная мать”.

Жила-была роза,

Полна росой. Так

сын в моем сердце

Всегда со мною.

Но не только эта печаль, эта несбывшаяся мечта объединяет их. Не менее сильным мотивом в их творчестве проходит гордость за принадлежность к этой сильной и талантливой расе – коренных народов Америки.

У Габриэлы есть глубокие статьи, посвященные культуре народа кечуа, и цикл стихов “Америка”, в который входят такие шедевры, как “Гимн тропическому солнцу”, который мог бы стать гимном все еще разъединенных народов Америки. Она воспела не только чилийскую природу и ее символы – араукарию, лиственницу – алерсе, но и мексиканский магуэй и кактус, гигантское дерево сейба, живущее несколько сотен лет, и простые полевые цветы, и разноцветных бабочек, соперничающих с цветами не только размерами, но и окраской. Она поднималась на вершины вулканов и спускалась в глубочайшую пещеру Какауампильпа; она пыталась разложить на составные части шум водопада и проследить траекторию полета кондора. Она поняла

красоту простых вещей и простых людей, которые создают эту красоту своими руками на огромном пространстве от северных мексиканских пустынь до продуваемой всеми ветрами Патагонии.

Америка для нее – не просто прародина, но воплощение Праматери-природы, частичку которой она сохранила в глубине своей души во всех своих странствиях. Эта причастность позволила ей не только сохранить свою самобытность вдали от родины, она сделала ее имя “символом духовных устремлений всего латиноамериканского мира”, – как было записано в решении Шведской Академии о присуждении ей Нобелевской премии в области литературы за 1945 год.

Обращаясь к своим корням, своим соплеменникам, она писала в стихотворении “Прощание”:

*Тебя к далеким пределам,
Дитя индейских селений,
Подобно летучим стрелам,
Умчат ветра и олени, И*

И о каждой из них можно сказать: ОНА ЛЮБИЛА, ОНА СТРАДАЛА, ОНА ЖИЛА.

*невредимым и целым
Пребудешь со мной
в разлуке, С тобой не
сравнится белым – Ты
зряч, они близоруки.*

*Ступай легко ли упрямо,
Твои – железо и воздух,
Земля, всеобщая Мама,
Лоза в виноградных
гроздьях, И мертвых
святая воля. И камни на
тропах козых. Пора! –
провожу, как сына. Тебе
– за выпавшей долей.
А мне – на зов Господина...*

Не эту ли красоту, дарованную землей Америки, пыталась запечатлеть на своих картинах и Фрида?

Сколько ярких цветов и плодов в ее автопортретах, и особенно – в последних картинах! Расставаясь с этим миром, она оставила нам свой девиз, который в полной мере разделяла и Габриэла: “Да здравствует жизнь!”.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель-Observer» обязательна. Требования к подготовке рукописи см. на сайте: <http://www.rau.su>

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 12.07.2007. Формат 70x100^{1/16}. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО “Джей Ти Принт”. Заказ № 40.